

ХАРЬКОВЪ.

ПРИБАВЛЕНИЯ КЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(Выходятъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ).

(РОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Подписанная цѣна на Прибавленія:
Безъ доставки и Съ доставкою
пересылки. и пересылкою.
За годъ 2 р. 2р. 50к. с.
—полгода 1р. 25к. 1р. 60к. с.
На Губернскія Вѣдомости:
Безъ переплета . . . 3 р. сер.
Въ переплѣтѣ . . . 3 р. 85к.
За доставку на домъ или пе-
ресылку по почтѣ въ годъ 50 к.

№ 106.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

29-е Октября.

1862.

Статьи для напечатанія и вообще всякаго рода извѣстія просятъ присыпать на имя Редактора.

СОДЕРЖАНИЕ: Объ изданіи Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей въ 1862 г.—Изъ воспоминаний романс-тика.—Частныя объявленія.—

ОБЪ ИЗДАНІИ ХАРЬКОВСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДО- МОСТЕЙ ВЪ 1863 ГОДУ.

Издание «Губернскихъ Вѣдомостей» и «Прибавленій» будетъ продолжаться и въ 1863 г.

Объявленія объ изданіи всякой газеты обыкно-
венно касаются перемѣнъ въ объемѣ и программѣ
изданія. Губернскія Вѣдомости принадлежать къ
числу такихъ газетъ, въ которыхъ всякая перемѣн-
на невозможна; объемъ ихъ утверждены однажды
на-всегда, программа ихъ неизмѣнна. Тоже можно
сказать и относительно *направления* ихъ: служа
органомъ мѣстныхъ интересовъ, будучи въ необхо-
димости служить отголоскомъ всякихъ идей, выслу-
шиватъ всякия требования, Губернскія Вѣдомости не
могутъ держаться заранѣе опредѣленного направле-
нія, и часто бывають принуждены помѣщать статьи,
которыя не совсѣмъ сходятся съ личными взглядами
редакціи.

Во всякомъ случаѣ, хотя мы и не выставляемъ
новой программы, но считаемъ не лишнимъ
высказать нашъ взглядъ на то, чѣмъ, по на-

шему убѣжденію, должны быть Губернскія Вѣдо-
мости.

«Прибавленія»—органъ мѣстный—должны забо-
титься о мѣстныхъ интересахъ, вотъ что намъ
всегда доводилось слышать. Что-же такое *мѣст-
ные интересы?* Вопросъ, по-видимому простой, но
отвѣтъ на него не такъ легко. Назовемъ-ли мы
мѣстнымъ интересомъ все, что можетъ интересо-
вать исключительно жителей извѣстной мѣстности,
что *преимущественно* до нихъ касается? Но такой
взглядъ «скоро разъединилъ бы умственную жизнь
всѣхъ городовъ нашего обширнаго отечества. Быстро
размножилось бы число центровъ и центриковъ, меч-
тающихъ о своей необыкновенной важности; неми-
нуемо погрязли бы они въ дряги и мелочи своей
будничной жизни, а это неистощимый материалъ для
бури въ стаканѣ воды. Интимная жизнь театра, сотня
гнилыхъ яблокъ на базарѣ, корова на улицѣ, до-
машний скандалъ, перебранки, понятная и занима-
тельная лишь для брачящихся,—вотъ неминуемое
содержаніе такихъ газетъ. Намъ удалось на опыте
узнать, что значитъ часть общества, оторванная

такъ сказать, отъ всѣхъ живыхъ и общественныхъ интересовъ. Каждая муха залетѣвшая въ крошечную обитель, кажется ей важнымъ, міровымъ происшествіемъ; каждое, дѣйствительно важное, событие, кажется ей ничтожнѣе мухи.

Вотъ почему, намъ кажется, что мѣстныя изданія не должны терять изъ виду вопросы общест-венныхъ, государственныхъ. *Задача ихъ—следить за развитиемъ общества, его нуждъ и средствъ въ той мѣстности, где имъ пришлось дѣйствовать.* Ни на одну минуту они не должны переходить за черту чисто общественныхъ отношений; изъ всѣй массы наблюдаемыхъ ими фактовъ, они должны выбирать тѣ, которые-бы были понятны и интересны всякому, кто слѣдить за развитіемъ нашего общества.

Нельзя жаловаться на то, что теперь нѣтъ вопросовъ, способныхъ занимать вниманіе цѣлаго общества. Остается узнать: какіе изъ нихъ могутъ имѣть своимъ органомъ Губернскія Вѣдомости? Намъ кажется что всѣ, или, по крайней мѣрѣ за весьма немногими исключеніями.

На первомъ планѣ стоитъ конечно—ходь мировыхъ учрежденій. Если-бы редакція могла надѣяться найти сотрудниковъ въ числѣ лицъ, близко стоящихъ къ этимъ учрежденіямъ, и преимущественно въ числѣ самихъ гг. мировыхъ посредниковъ, то изданіе «Прибавленій» пріобрѣло-бы новый интересъ. Конечно, теперь уже мировыя учрежденія, почти покончили свой трудъ—устройство крестьянскаго быта. Но за то, какъ главный органъ самоуправлія новыхъ гражданъ, они продолжаютъ сокращать необыкновенный интересъ.

Въ какой степени привились новыя учрежденія къ народу; пріучили-ли они народъ самому заботиться о своихъ интересахъ. Въ какой степени напр. волостные суды прониклись народнымъ духомъ? Все это вопросы, на которыхъ могутъ отвѣтить—лишь лица, вполнѣ знакомые съ народомъ и мировыми учрежденіями. Мы можемъ надѣяться, что, по примѣру некоторыхъ лицъ, и другіе представители мировыхъ учрежденій будутъ сообщать въ «Прибавленія» всѣ факты, изъ которыхъ-бы можно было заключить объ успѣхахъ новыхъ учрежденій на нашей народной почвѣ.

Общественное управление въ городахъ, благодаря

его преобразованію, также можетъ сдѣлаться предметомъ гласнаго обсужденія. Мы уже начали и будемъ продолжать печатаніе основныхъ началь проекта составленного здѣшнею комиссіею. Это будетъ вѣроятно началомъ гласнаго обсужденія всѣхъ вопросовъ здѣшняго общественнаго управлія.

Торговля края, а особенно въ городѣ, имѣющемъ четыре ярмарки, какъ Харьковъ, необходимо должна стать предметомъ соблюденія всякаго мѣстнаго органа. До сихъ поръ многіе жители Харькова или вовсе не знали или знали въ ложномъ свѣтѣ все, что происходило въ здѣшнемъ торговомъ мірѣ. Поэтому всѣ, знакомые съ этимъ дѣломъ, оказали-бы большую услугу обществу, сообщая свѣдѣнія какъ ведутся дѣла, чего больше продается и т. д. Особенно мы думаемъ, что числа говорять краснорѣчивѣе всякихъ убѣждений.

Новое акцизное управление также возбуждаетъ и способно возбудить интересъ и общества и правительства.

Наконецъ множество частныхъ фактовъ, проявленій той или другой стороны общественной жизни—все это должно дать богатый матеріаль для содержанія «Прибавленій».

Разсуждая и сообщая свѣдѣнія объ общественныхъ вопросахъ и явленіяхъ, можно держаться двухъ способовъ. Выставлять тѣ факты, изъ которыхъ-бы можно было заключить о степени нашего *прогресса*, конечно гораздо пріятнѣе чѣмъ обличать недостатки тѣхъ сторонъ нашей жизни, въ которыхъ болѣе всего требуются улучшенія. Но до тѣхъ поръ, пока наша жизнь будетъ представлять противорѣчія, пока съ одной стороны мы будемъ быстро итти впередъ, а съ другой сохранять привычки старого времени, не прекратится, вѣроятно, и обличительное направление нашихъ журналовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы живемъ въ такое время, когда, говоря о жизни цивилизованныхъ народовъ, въ тоже время, невольно, обличаешь свои собственные недостатки.

«Прибавленія» врядъ-ли могутъ держаться того или другаго направления. Ихъ задача—сообщать публикѣ вѣрныя и скорыя свѣдѣнія о томъ, что происходит въ области и въ городѣ. Встрѣчая факты утѣшительныя, они поспѣшатъ помѣстить ихъ въ свои столбцы. Но и всякий разладъ нашей жизни будутъ «узнавать себя въ сатирѣ».

Во всякомъ случаѣ добросовѣстное и вѣрное со-
общеніе фактovъ всегда будетъ составлять единственное стремленіе Прибавлений.

Подписанная цѣна на «Губерн. Вѣдомости» и «При-
бавленія» и въ будущемъ 1863 г. остается также,
что и въ настоящемъ, а именно:

Губерн. Вѣдом. безъ переплета 3 р. сер.

— — — въ переплѣтѣ 3 р. 85 к.

За доставку на домъ или пересылку по почтѣ
въ годъ 50 к.

«Прибавленія»: безъ доставки и пересылки:

— — — за годъ 2 р. с.

— — — полгода 1 р. 25 к.

— — — съ доставкою и пересылкою:

— — — за годъ 2 р. 50 к. с.

— — — полгода 1 р. 60 к.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи,
въ нижнемъ этажѣ дома присутственныхъ мѣстъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ РОМАНТИКА.

Дѣтство веселое,—
Дѣтскія грёзы!....

И. Накитинъ.

Боже мой, что за милый женственный образъ возрастаетъ въ моемъ воспоминаніи; какъ отрадно повѣяло на душу, какъ-бы хотѣлось опять посидѣть, поговорить съ этой симпатичной женщиной! Года прошли, а я какъ теперь вижу ее: она была уже не молода—лѣтъ двадцати пяти можетъ быть, но цвѣтъ лица, голосъ, были какъ у дѣвушки; ся пышные, русые волосы были всегда гладко причесаны и низко опускались большою косою; сидѣть бывало за работою такъ тихо, серьезно склонивъ голову, изрѣдка пробѣжитъ только на лицѣ ея мимолетная улыбка и за эту-то ясную, привѣтливую улыбку я больше всего привязался къ ней—всею силою неиспорченной ребяческой души. Десять лѣтъ было, когда отецъ, удѣливши послѣднее изъ своихъ средствъ, отвезъ меня въ гимназію города Карасодова. Я былъ ребенокъ дикий, привыкшій жить на свободѣ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый;

лѣса, сѣнокосы, заглохшіе огромные пруды нашего захолустья, безконечныя поля озимой и яровыхъ: вотъ что возрастило меня. И отъ этой жизни, полной своей прелести, своего, непонятнаго для другихъ, обаянія меня оторвали и отвезли въ душный городъ, въ среду людей незнакомыхъ.—Я пріунылъ, сосредоточился въ себѣ и, только потихоньку отъ отца, горько плакаль. Я выдержалъ экзаменъ и отецъ поставилъ меня на квартиру, где-бы могли наблюдать за мною; здѣсь то въ первый разъ я и сошелся съ Александрой Петровной, которая была родственницей хозяйки моей и жила въ томъ-же домѣ съ своимъ семействомъ. Разъ, въ сумерки, сидѣль я пригорюнившись въ уголку; въ головѣ были не завтрашніе уроки—тамъ вертѣлись эпизоды моей деревенской жизни: «теперь, думалъ я, быхали бы мы съ поля на высокихъ возахъ; Никита рассказывалъ—бы сказки и показывалъ бы вдали огни кашеваровъ, или блестящіе волчьи глаза и кладовыя свѣчи, а жившій у насъ кантонистъ Банюшка та-пуль—бы заунывную пѣсню.....»

—Что вы такъ печальны, милый Петя? сказала возвѣдь меня тихій, ласкающій голосъ Александры Петровны.

«Я? ничего—съ.»

—Нѣтъ, видно вспомнили родныхъ своихъ; жаль было уѣзжать отъ нихъ. .... что-же дѣлать, дитя мое? нельзя-же весь вѣкъ прожить дома, нужно учиться; а вотъ выростите, сами поблагодарите, папашу—онъ у васъ такой добрый.»

«Маменька еще добрѣе: она бывало никогда не бранитъ меня, когда я приходилъ изъ лѣса съ изорваннымъ платьемъ, или очень поздно.»

—«А вы любите гулять въ лѣсу?»

«Как же! мы бывало понадѣлаемъ деревянныхъ ружей и пойдемъ, какъ будто въ походъ, потомъ построимъ изъ вѣтокъ шалаши, потомъ воюемъ въ нихъ. А вотъ лучше всего такъ на Семикъ, когда вѣнки завиваются, вы знаете?»

—«Нѣтъ, душа моя, расскажите мнѣ вы?»

Ободренный ласковымъ голосомъ и полнымъ участіемъ я пустился рассказывать ей все, что было такъ дорого душѣ моей. Долго говорили мы; она несоскучилась, не принимала того неестественнаго тона, какимъ обыкновенно говорять съ дѣтьми; она казалось совершенно увлеклась моими ин-

тересами и воспоминаниями; внимательно слушала меня, распрашивала о всѣхъ личностяхъ, о которыхъ я упоминалъ, о вещахъ, которыхъ были неизвѣстны ей, какъ городской жительницѣ.... Я, прежде молчаливый, тугой на слова и робкій, говорилъ съ ней какъ съ старой знакомой и подъ конецъ называлъ уже ее тетенькой. Съ этого дня и началось наше сближеніе. Цѣлые дни я просиживалъ у нихъ на верху, училъ читать маленькаго Сашу, ее сына, слушалъ разсказы самой Александры Петровны. Но главнымъ занятіемъ нашимъ было чтеніе книгъ. Давно уже пристрастился я къ чтенію, теперь же это обратилось въ совершенную страсть.—Читать вслухъ для Александры Петровны было для меня величайшимъ наслажденіемъ; читая романъ или повѣсть, мы заразѣ старались предъугадать судьбу героевъ, плакали въ мѣстахъ трогательныхъ и страдали за любимыѣ героевъ. Незамѣтно образовывался у меня вкусъ эстетической и любовь къ знаніямъ. Если у меня теперь есть вѣра, то этимъ я обязанъ много ей. А сколько помогала она мнѣ въ моихъ классныхъ занятіяхъ! Помню, разъ приказано было намъ начертить карты и по нимъ уже отвѣтить уроки; я былъ поставленъ въ совершенный тупикъ; искусство снятія съ окна не было мнѣ еще извѣстно, а такъ я и черты не могъ провести прямо. Испортилъ я листовъ пять бумаги и хотѣлъ уже совсѣмъ оставить ихъ, какъ явилась Александра Петровна.

— «Что ты дѣлаешь, Петя?»

«Да вотъ, тетенька, никакъ не могу начертить карты, а учитель приказалъ.»

— «Пойдемъ на верхъ я поучу тебя, даже, если хочешь, отѣлаемъ красками».

Мы пошли, она стала объяснять мнѣ правила черченія и сидѣла со мной до тѣхъ поръ, пока я не начертилъ порядочнаго абриса карты; подарила мнѣ нѣсколько красокъ и научила меня управляться съ ними. И не въ однихъ этихъ мелочахъ выскрывалось ея любящее, теплое сердце къ одинокому бѣдняку мальчику, совершенно ей чужому. Я былъ страшно боленъ; докторъ, лѣчившій меня, сказалъ, что нѣть никакой надежды; одному приходилось мнѣ умирать—вдалекѣ отъ родныхъ; но и здѣсь ее вниманіе не оставляло меня. Она часто просиживала со мною, давала лѣкарства; въ минуты облег-

ченія читала книги, или разсказывала что-либо религіозное. Молодая натура взяла впрочемъ свое—я выздоровѣлъ. Вскорѣ подошли экзамены, я выдержалъ ихъ и со дnia на день ожидалъ прїѣзда отца за мною. Читалъ я что-то Александрѣ Петровной, когда мнѣ пришли сказать, что отецъ прїѣхалъ. Съ радостнымъ трепетомъ побѣжалъ я на дворъ. Да, это они, это наши: воинъ длинно-бородый Никита, лѣниво распрягающій лошадей; на немъ тотъ-же вѣчный полушубокъ и высокая шляпа, за которую звали его «ваше преподобіе»; и лошади знакомые: любимица—щеголиха и совсѣмъ лѣнтий, всегда сбивавшій меня; и зеленая тельжка, купленная у благочиннаго.... какъ много воскресло воспоминаний при одномъ взглядѣ на все это. Весь тотъ день я былъ, какъ въ чаду: то пойду въ кухню къ Никитѣ и разспрашиваю его о всемъ деревенскомъ, то въ конюшню полюбоваться на лошадей... Вечеромъ еще простился я съ Александрой Петровной и мою хозяйствой, а рано утромъ мы выѣхали. Нужно сказать, что еще зимою Александра Петровна подарила мнѣ лимониное деревцо. Съ этимъ деревцемъ я никакъ не хотѣлъ разстаться и взять его съ собою. Жаръ былъ страшный, лошади медленно шли, сидѣть мнѣ было не ловко въ узкой тельжкѣ, но я неupyывалъ и держалъ дорогое деревцо въ рукахъ; два долгихъ дніяѣхали мы до дому и, не смотря на мое стараніе, на всю заботливость, неловкій Никита разбилъ цвѣточный горшокъ... Сколькихъ слезъ и отчаянія стоило мнѣ это! Отецъ на силу убѣдилъ меня, что растеніе не погибнетъ, если его пересадить въ другой горшокъ.... Еще часъ, другой и вдали завиднѣлась низенькая колокольня нашей церкви, а тамъ, какъ на ладонкѣ, открылось все село: визкія избы всѣ попрятались въ зелени ракитника, огороды, заросшіе копнелею, пестрѣли желтыми звѣздами подсолнечники; вокругъ села тянутся широкіе пруды, съ извилистыми берегами, обросшіе лозникомъ и покрытые густымъ камышомъ, извѣстные мнѣ по всѣмъ закаулкамъ; вотъ и нашъ домикъ выглянуль изъ за березокъ, насаженныхъ отцемъ... Я не утерпѣлъ, высыпалъ изъ повозки и пошелъ короткимъ путемъ по огородаамъ. Привольно и по своему весело потекла жизнь моя на вакаціи; тѣмъ болѣе нравилась мнѣ эта жизнь послѣ душной город-

ской жизни. Я окончательно отился отъ дома; свелъ опять знакомство съ прежними друзьями—деревенскими работниками и проводилъ все время въ полѣ, или въ лѣсу. А какъ хорошо было обѣ эту пору! Я спаль всегда на дворѣ подъ навѣсомъ—не смотря на то, что былъ порядочный трусы. Ночь тихая, звѣздная, я смотрю на небо и стараюсь отыскать знакомые стожары, или разли чаю въ мѣсяцѣ Каина, убивающаго брата своего, а на душѣ между тѣмъ пробѣгає легкая дрожь, глаза невольно обращаются на запертыя ворота и на длинныя полосы свѣта, которыя кажутся, то развѣшаннымъ полотномъ, то мертвѣцами въ бѣлыхъ саванахъ; воображеніе, настроенное многочисленными рассказами, вызываетъ тьму призраковъ и привидений; невидимая дрема однако пробирается ко мнѣ и я засыпаю, прудуемый легкимъ вѣтеркомъ. А чуть забрезжится заря и побѣднѣвшія звѣзды начнутъ прятаться въ небѣ, я браль удоочки и отправлялся на пруды, въ знакомыя мѣста. Незнаю, почему, но долгое время для меня въ рыбной ловлѣ было величайшее наслажденіе: меня не такъ радовала добыча, какъ самій процессъ ловли; даже во снѣ бывало грезится дрожащій поплавокъ, патинутая лѣса, гибкое удилище и извивающейся серебристый окунь... Всѣ мѣста были знакомы мнѣ съ дѣтства и оттого еще болѣе нравились мнѣ. А что за наслажденіе бывало на сѣнокосѣ лечь на высокую кучу свѣжескошенного сѣна подъ густымъ кленомъ и, въ приятномъ разслабленіи, ни о чѣмъ не думать, ничего не желать и только смотрѣть на синее небо, на безграницную даль, да слушать неугомонный трескъ кузнечика! А иногда по ночамъ Никита, не смотря на усталость отъ дневной работы, ходилъ со мной на перепеловъ, или поручалъ меня кузнецу Лаврухѣ, великому знатоку въ этомъ дѣлѣ. Я неутомлялся слушать всю ночь съ напряженнымъ вниманіемъ крикъ перепела и пискъ удоочки. Порывался иѣсколько разъ принять участіе въ лѣтніхъ работахъ, но здѣсь мои труды приносили мало пользы—я только мѣшалъ другимъ. Время возки было для меня благодатью: мнѣ давали управлять лошадью и я съ торжествомъ возвращался домой, расположившись на высокомъ возу въ сидѣйкѣ, сдѣланной Никитою. Вакаціи скоро кончились и я долженъ былъѣхать въ городъ; тамъ

первое, что встрѣтило меня, было извѣстіе обѣ єзда Александры Петровны съ семействомъ на сѣверъ Россіи на долго, даже, можетъ быть, на всегда. Загрустилъ я, застечался на иѣсколько времени, но классенія занятія, новые друзья заставили иѣсколько забыть милый образъ Александры Петровны; не смотря на это, память о ней глубоко врѣзилась въ моемъ сердцѣ, хотя я не могъ вполнѣ оцѣнить всей теплоты луши ея. Прошло иѣсколько лѣтъ; я уже оканчивалъ гимназію, жилъ собственными трудами, странствуя по кондїціямъ, пристрастился къ литературѣ, къ театру. Уже не разъ во мнѣ пробуждалось желаніе найти сочувствіе въ душѣ женщины, я мечталъ, писалъ посланія къ моему идеалу, но идеалъ неявлялся—я по неволѣ долженъ былъ ограничиться одними дружескими изліяніями съ товарищами. Много было надеждъ у меня, много самонадѣянности, впереди рисовался университетъ и я неутомимо стремился къ нему. Вдругъ, узнаю я, что Александра Петровна съ мужемъ и дѣтьми прїѣхала на время въ нашъ городъ. Въ тотъ же день я поспѣшилъ къ нимъ. Она мало перемѣнилась; только я теперь замѣтилъ въ ней достоинство, на которое прежде необращалъ вниманія: Александра Петровна была очень хороша.—Скромная и благородная фигура ея производила самое мягкое, иѣжное впечатлѣніе.

— «Какъ вы перемѣнились, Петръ Андреевичъ», сказала она, васъ трудно узнать. Вотъ дѣти; смотрите какъ выросли....» она указала на сына, уже гимназиста и дочь дѣвочку лѣтъ восьми.

Въ полчаса я уже сдѣлался домашнимъ въ семье ихъ и уже просилъ Александру Петровну называть меня по старой памяти просто Петей. Здѣсь я ничего не говорю о ее мужѣ, человѣкѣ вирочемъ умномъ и добромъ,—потому что онъ былъ вѣчно занятъ въ своемъ кабинетѣ. Скоро они меня пригласили поселиться у нихъ и заниматься съ дѣтьми; я съ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе. Всѣ вечера я проводилъ съ Александрой Петровной и по большей части въ чтеніи. Я доставалъ книги и спѣшилъ подѣлиться моими впечатлѣніями съ ней. Одинъ вечеръ особенно ярко рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ,—то было весною; я только что пришелъ отъ одного изъ товарищей и сѣлъ на балконѣ, выходившемъ въ садъ;—въ воздухѣ было

душно, безотчетное желаніе жгло меня и рисовало тысячи идеальныхъ образовъ; хотѣлось предъ кѣмъ нибудь высказаться, выплакаться; въ душу проникала безграничнаа жажда любви и томительное ожиданіе; а тутъ еще было такъ хорошо, такъ все располагало къ признаніямъ и мольбамъ и тихий шопотъ листьевъ и какой-то газовый покровъ на всемъ, и страстный мотивъ Огинскаго, который несъ изъ оконъ сосѣдняго дома, и въ душу проникающій томительный зной вечера.... На лѣстницѣ послышались легкіе шаги и показалась Александра Петровна. Она, при матовомъ освѣщеніи мѣсяца, была чудо какъ хороша; лицо приняло какое-то идеальное выраженіе, широкая мантилья обхватывала ее со всѣхъ сторонъ и падала прихотливыми складками на ея еще стройный станъ. Она замѣтила меня, кинула головой и облокотилась о перила балкона.

— «Петя, сказала она, какъ чисто и хорошо небо; посмотрите на ту звѣзду: какъ она ярко блеститъ.»

Потомъ она произнесла тихо, не обращаясь ко мнѣ:

«Въ небѣ чисто,
Въ небѣ ясно,
Въ небѣ звѣздочка горить;
Ахъ, нелюби ее такъ страстно,—
Не для тебя она блеститъ.»

Въ послѣднихъ словахъ было столько страсти, столько зпойнаго чувства, что у меня отъ непонятнаго восторга потемнѣло въ глазахъ и противъ воли вырвались слова:

«Боже мой, какъ вы хороши, Александра Петровна!»

(Продолженіе слѣдуетъ).

Степной.

ЧАСТНЫЙ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) Продаются мраморн. столы, часы, военное пальто на бобр. мѣху, козры, лампа накл. серебра, оружіе, разн. кабинетн. вещи и проч.; спросить во флигель дома Клобуц-

каго. Здѣсь-же кандидатка московск. никол. института желаетъ имѣть учениковъ на домѣ. (181)—1

2) Получены экипажи изъ Москвы, а именно: карета полуторная, полуширинки, тюльбери, сани четырехъ-мѣстныя и двухъ-мѣстныя. Вещи эти можно видѣть въ каретномъ ряду Кузнецова, близъ харьк. моста, въ лавкѣ Щипляева. (158)—1

3) Управляющій харьковскою земскою конюшнею извѣщаетъ всѣхъ и. охотниковъ, что по случаю преобразованія по управлению коннозаводскому, изъ харьковской земской конюшни назначено въ продажу, по цѣнѣ опредѣленной, безъ аукціона, 24 жеребцовъ иже сего поименованныхъ, породъ Англійской и Арабской. Лошади эти по сортамъ своимъ способны какъ быть производителями въ заводахъ, такъ равно для упряжи и верховой пѣды.

Лица, желающія пріобрѣсти покупку сихъ жеребцовъ, могутъ видѣть ихъ ежедневно на конюшнѣ съ 11-ти часовъ утра.

О Н И С Ъ Ж Е Р Е Б Ц А М Ъ.	И м .	Лѣта.	Вершки.
ГРОМОБОЙ, инд.	,	7	3 ¹ / ₂
ЛЕОНИДЪ, инд.	,	8	3
ГАРУСЪ, св.-инд.	,	7	2 ¹ / ₄
ИМЯНИТЫЙ, т.-инд.	,	6	3 ¹ / ₄
ЭКСПЕДИТОРЪ, т.-инд.	,	15	6 ¹ / ₂
АШОНOKЪ 3-й, т.-инд.	,	11	4
ЛЬСТЕЦЪ, рыжий	,	5	2 ¹ / ₂
СОКОЛЪ, рыжий	,	5	3
ПИП-О-ДЕ-БОЙ, инд.	,	5	4
СТРАБОНЪ, рыжий	,	5	4
ЛОРНЕТЪ, инд.	,	5	2 ³ / ₄
ЧУДНОЙ, инд.	,	7	4 ¹ / ₄
АБРИКОЗЪ, инд.	,	7	3 ¹ / ₂
ЧУДКОЙ, рыжий	,	4	3 ¹ / ₂
ВАЯТЕЛЬ, инд.	,	6	4
ДАУ, инд.	,	4	6
АББАСЪ-МИРЗА, инд.	,	14	5
КОЛБЕ, инд.	,	16	5 ¹ / ₂

ФЕЛЬКЕРЗАМЪ, инъд.	, 6	4	челн.
БОБЕРЪ, т.-спрый	, 9	4 ³ / ₄	челн.
ПОХВАЛЬНЫЙ, т.-спрый	, 8	4 ¹ / ₄	челн.
КОРСАРЪ, инъд.	, 8	5	челн.
ЧИЖЪ, св.-инъд.	, 11	5	челн.
ЧААБЪ, рижск.	, 5	3 ¹ / ₂	челн.

Итого , 24 жер. (780)—1.

4) По случаю отъезда продаются по весьма умъреннымъ цынамъ: коляска городская и совершенно новые сани петербургской работы, фаетонъ городской съ дорожными сундуками вѣнской работы. Можно видѣть на Екатеринославской улицѣ, въ жандармскихъ казармахъ. (206)—2

5) Отдается въ паемъ и продается каменный со службами, и съ садомъ домъ генералши Дятловой, на Екатер. улицѣ, № 219. О цынѣ узнать у соседа, ст. сов. Е. П. Ковалева. (120)—2

8) При кондитерской на Екатеринославской улицѣ,¹⁾ вновь открытъ кофе-ресторанъ и билльярдъ, где можно получать и обѣдъ на дому. (100)—3.

9) ВЪ МАГАЗИНЪ

Т. ВИТТА,

смежно съ дворянскимъ собраниемъ, принимаютъ заказы на ручные прессы, вырезаніе буквъ, гербовъ и т. п., какъ на металлахъ, такъ равно и на разныхъ камняхъ.

Работы исполняются въ точности.

Тамже дѣлаются посредствомъ сухой печатанія визитныя карточки, бланкеты и проч. и продаются оплатки изъ разноцвѣтной бумаги и письменныя принаслѣжности. (270)—3.

10) Продается енотовая шинель и шинель на ватѣ и шелковой подкладке, съ чисто-бровымъ воротникомъ; у г-жи Спасской, въ ее домѣ, на Пескахъ. (108)—3.

11) Дама, француженка, желаетъ преподавать уроки французского языка; желающие могутъ оставить свой адресъ въ магазинѣ и. Лемерь и К°, на Московской улицѣ. (120)—3

12) Желаетъ имѣть место НЯНИ въ городѣ или на выездѣ. Спросить въ д. Герсевановой,

6) Прѣхавшій изъ С.-Петербурга садовникъ, рекомендуетъ себя къ услугамъ по своему ремеслу.

Нынѣ временно жительствуетъ близъ г. Харькова, на дачѣ г. Рашина, возле хутора г. Тюрина, у садовника Штейн-гранда. (160)—3.

7) Ищутъ попутчика въ Ростовъ и Ставрополь на 22 ноября. Подорожная казенная; пахать согласны во всякомъ экипажѣ. Спросить Синъжско-Блоцкую въ палатѣ государственныхъ имуществъ. (146)—2

на Садовой ул., близъ благотворительного общества, Марью Кондратенкову. (120)—2

13) Честь имѣю извѣстить почтеннѣйшую публику, что я приготовляю не только отдельные зубы, но и цѣлыя челюсти по спо-бу извѣстнаго американскаго врача Putnam'a, изъ матеріала, подъ названіемъ Вулканита, употребляемаго въ новѣйшее время для при-готавленія искусственныхъ зубовъ. Эта масса, относительно прочности и красоты, далеко превосходитъ бывшую по нынѣ въ употреблѣніи гиппопотамову кость, въ короткое время теряющую свой цветъ, и измѣняющуюся въ составѣ своемъ отъ влаги полости рта, на что я во всякоѣ время готовъ представлять неоспоримыя доказательства. Почтеннѣйшая публика найдетъ у меня достаточный выборъ зубовъ, изъ этой новой массы сдѣланыхъ, и будетъ, я надѣюсь, совершенно удовлетворена способомъ вставлениія оныхъ.

Пломбирование зубовъ въ новое время, по-средствомъ многихъ открытій, цѣли соотвѣт-ствующихъ, сдѣлало значительные успѣхи. Зубы золотомъ, платиною, или зубною э-малью, въ столь короткое время приобрѣвшіе общее одобреніе публики, наполненные, становятся удобоупотребляемыми органами, совершающими свои отправленія на многіе годы.

Сверхъ того изобрѣтена липешка, непо-средственно, весьма быстро и вѣрно на зубной нервѣ дѣйствующая, которая, не причиняя ни малѣйшей боли, во многихъ случаяхъ дѣлаетъ вырываніе зубовъ излишнимъ; полной зубѣ возвращается, такъ сказать, къ нор-мальному своему состоянію.

Наконецъ, предлагаю я свои услуги во всѣхъ встрѣчающихся случаяхъ врачеванія зубовъ, наприм., для расправленія криво-растущихъ зубовъ, для задѣ-

лыванія отверстій твердаго нѣба и небной занавѣси и проч.

Недостаточные больныес во всякое время дня мо-гутъ получать безвозмездное пособіе и будутъ снаб-жены необходимыми медикаментами.

Жительство имѣю на Сумской улицѣ, въ домѣ Антоновской, возлѣ театра.

Состоящій при харьковскихъ универси-тетѣ и институтѣ благородныхъ дѣвицъ и проч. зубной врачъ ЛЕОПОЛЬДЪ ЯКОБСОНЪ. (1410).—2

14) Желаютъ имѣть нальку, преимуществен-но пильку къ одному дитяти, и просятъ доставить адресъ въ контору губернскай тип-ографіи. (105)—3

15) Отдается вновь отпланиная квартира о 8 комнатахъ, со службами,—на Нѣмецкой улицѣ въ Скрынниковомъ переулкѣ, въ д. Лабинскаю. (98)—4

6] Знающій сельское хозяйство тео-ретически и управлявшій нѣсколько мѣсяцами значительными имѣніями въ э-томъ краѣ, въ чёмъ имѣются одобри-тельные аттестаты, желаетъ имѣть място управляющаю. Съ условіями можно адресоваться въ депо г. Шу-мана, на Николаев. площ., въ д. насл. Кушинниковыхъ. (228) 2.